

А. Д. Демакова
Россия, г. Владимир,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
Научный руководитель д. филол. н., профессор М. В. Пименова

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. СОЛОУХИНА

Аннотация

Статья посвящена изучению цветообозначений в художественном тексте, способам их классификации. Цвет окружает нас на протяжении всей жизни, характеризует многие объекты, а в литературных произведениях цветонаименования проявляют особую функционально-семантическую значимость, передавая или психологическое состояние персонажа, или какие-либо важные детали сюжета, экспрессивность, драматизм развивающихся событий

Ключевые слова: цветообозначение, контекст, текст.

Современными лингвистами было исследованы и выявлены схожие стадии развития цветообозначений: несколько универсальных моментов в развитии цветообозначений различных языков. С течением времени система цветообозначений прошла несколько таких стадий развития, и в конечном итоге в ней закрепилось множество слов, называющих как основные цвета, так и сложнейшие цветовые оттенки.

А. П. Василевич говорит о том, что наиболее распространенной точкой зрения на последовательность этапов развития цветообозначений является следующая: изначально цвет передавался путем указания на него, то есть опосредованно («как кровь» (красный), «как снег», «как молоко» (белый), и т.д.), затем появляются абстрактные слова, которые предназначены для называния цвета (белый, черный, синий и т.д.), а позже и слова, образованные от названий предметов соответствующего цвета (ореховый, сливовый, сиреневый, кровавый, небесный др.) [5].

Краткая этимология основных цветов в русском языке:

• *белый* родственно др.-инд. *bhalam, *bhati (светит, сияет), литов. *boluoti (отливать белым, белеть);

• *чёрный* родственно праслав. * съть, которое родственно литов. Kirsna (название реки);

• *красный* вторично по отношению к слову *краса* *kras- (Н.Б. Бахилина считает, что в функции цветообозначения начинает выступать с XVI века);

• *жёлтый* от праслав. родственно литовск. geltas, др.-прусс. gelatynan (жёлтый);

• *зелёный* родственно литов. *zalias, латыш. *zals (зелёный);

• *синий* родственно литовск. *syvas “светлой масти”, др.-инд. *suamas «чёрный, тёмный»;

• *серый* от праслав. *xoiŕo. По данным Н.Б. Бахилиной в древних письменных памятниках встречается крайне редко;

• *коричневый* восходит к *корица*, а через неё к *коре*. Полноправным цветообозначением становится только на рубеже XIX-XX века. До этого времени преобладало использование лексемы *бурый*, восходящей к индоевроп. *bher (медведь, быть ярким);

• *оранжевый* заимствовано из немецкого в 1616 году, исконным было рудо-жёлтый [1].

К собственно цветообозначениям в художественных текстах В. Солоухина относятся цвета типа красный, белый, синий, черный. Основными цветоименованиями являются 7 цветов радуги, а также *белый, серый, черный, коричневый* и *розовый*. Собственно цветообозначениями являются такие цветообозначения, которые указывают только на цвет предмета.

Например:

Черный. «Праслав. *черный*. Употреблялось в памятниках XI в. с самым широким кругом предметов. В христианской символике знаменовало принадлежность к темным силам, сонмищу бесов. Следующее слово с тем же значением появилось только в XIV в. и то применительно лишь к масти лошадей (*вороной*)» [Василевич, 2005:117]. «Черный цвет, как правило, символизирует несчастье, горе, траур, гибель» [2].

«Носила она (почему-то так мне запомнилось) *черную* юбку, прикрывавшую колени, и *черную* шерстяную кофточку, едва ли не домашней вязки» [16, с.182].

«Комната в подвале оказалась пустой. Дмитрий разочарованно выходил обратно, как вдруг на лестнице встретил поэта с *черной* повязкой на глазу» [4, с. 312].

«И еще ярче, еще необычнее вспыхнули и засветились они, когда Аннушка откопала мне «секрет» не на песчаной площадке, а в обыкновенной *черной* земле, около грядки с огурцами» [14, с. 132].

Зеленый. «Зеленый цвет – цвет трав и листьев. У многих народов он символизирует юность, надежду, веселье, хотя порой – и незрелость, недостаточное совершенство. Зеленый цвет предельно материален и действует успокаивающе, но может производить и угнетающее впечатление (не случайно тоску называют «зеленой», а сам человек «зеленеет» от злости)» [3].

«Стебли измельчали немудреной рубящей машиной, превращали их в *зеленое* махорочное крошево, сушили» [14, с. 333].

«Мы крутили их на *зеленой* лужайке около пруда. Ведь если солому помочить в прудовой воде, то она делается мягче, лучше свивается в поясок» [12, с. 44].

«И в самом деле, натянуть бы около воды ровную *зеленую* парусину, то-то была дивная красота, то-то восклицали бы мы: «Земная благодать!» – глядя на ровную *зеленую* парусину» [12, с. 48].

Белый. «Др. инд.-евр. *bhati* 'светит, сияет', *bhalam* 'блеск'. В функции цветообозначения появляется в самых первых памятниках (XI в.) и уже тогда имело неограниченную сочетаемость, определяя цвет растений, животных, тканей и т.д. В некоторых контекстах еще долго сохраняло значение «сверкающий, сияющий белизной», а сам белый цвет в христианской символике знаменовал причастность к ангельскому чину, лику святых и пр. (ср. *белые ризы*, св. Георгий на *белом коне* и т.д.). Долгое время это слово было единственным для обозначения белого; исключение составляло *броний*, но оно служило только для называния масти лошадей» [5, с. 117]. «Белый цвет символизирует чистоту, незапятнанность, невинность, добродетель, радость. Он ассоциируется с дневным светом, а также с производящей силой» [4].

«Помнится, ни с того ни с сего она отдала мне носить на целую зиму замечательный *белый* полушубок (тогда это еще не называлось дубленкой), который ей выдали в посольстве в рассуждении суровой московской зимы» [16, с. 183].

«Но Митька без шапки, потому что в поле не зима, а душный июльский полдень. Вот почему на Митьке нет ничего, кроме *белой* рубахи и штанов, сшитых из миткаля» [14, с. 251].

«*Белые* кубики плавали сверху, и, когда с ложкой вермишели попадал в рот кубик, во рту делалось вкусно-вкусно...» [12, с. 8].

«Глупее еще и потому, что никто не шел мне навстречу по дорожке от *белого* домика к калитке, под гроздьями черного винограда, все так же свисающими с витиеватых, загнутых в виде арки лоз» [12, с. 30].

Красный. «Этимологически восходит к группе слов, означающих в разных языках «краса», «красивый», «хвалиться», «слава» и т.п. В русском языке различные оттенки красного цвета долгое время обозначались словом *червленный*. Только в XVIII в. словари стали считать значение цвета у слова *красный* основным» [5].

«*Красная* косынка повязана так, что нависает над лицом шалашиком и затеняет лицо» [Солоухин, 1990:261].

«Сначала мы зажгли небольшую сосновую веточку, пушистую, но высохшую, с *красными* иголками» [12, с. 41].

«Стоило мне чуть-чуть приподнять голову – и я видел на самой кромке воды и земли, на самом урезе моря, как сказал бы какой-нибудь водник, девочку в ситцевых трусиках, беленьких, в крупный *красный* горошек» [12, с. 133].

«Когда вода закипит, опускают в нее большое количество *красных*, нарезанных помидоров» [12, с. 188].

Желтый. «По Фасмеру этимологически слова *желтый*, *желчь*, *золото*, *зеленый* составляют родственную группу. В памятниках XI-XII вв. *желтый*

встречается еще очень редко, вначале преимущественно для цвета волос. Некоторое время его соперниками были *плавый* и *половый*, но потом оба слова стали применяться исключительно к названию масти животных, а позже совсем исчезли из живого языка» [6]. «Желтый – цвет золота, которое с древности воспринималось как застывший солнечный цвет» [7]. Гете замечает, что это «ближайший к свету цвет». Так, становится понятным, что желтый цвет в своей чистоте обладает ясностью, положительностью, близок к солнечному свету. Однако, общеизвестно, что желтый цвет не всегда несет радость в своей семантике. «...Он крайне чувствителен и производит неприятное впечатление, если загрязнен или немного сдвинут в сторону холодных тонов... Незначительное и неприметное смещение превращает красивое впечатление огня и золота в ощущение грязи, и цвет почета и благородства оборачивается цветом позора, отвращения и презрения» [8].

«Маленькая загадочная картинка: идешь мимо — окна, *желтая* краска поверх штукатурки. Целый день ходишь мимо таких домов» [14, с. 375].

«А между тем сливочное масло существовало в виде *желтого* плотного куска даже в нашей комнате» [14, с. 6].

«Некоторое время мы смотрим, как пульсирует красное пятно с *желтой* точкой посередине – единственное светлое пятнышко величиной с копейку в беспредельной осенней черноте» [12, с. 63].

«Да она с лица и была уже готовая покойница: кожа *желтая*, щеки ввалились, губы натянуло до синевы, нос востренький, надбровные дуги выступили и прояснились» [12, с. 81].

Синий. «Др.-инд. *буамас* «темный, черный». На ранней стадии развития языка понятия «черный» и «синий» не различались. В литературе XI в. во многих случаях *синий* еще передает значение просто темного цвета. В фольклоре синий цвет наделялся магическими свойствами, имел отрицательную коннотацию. Он отождествлялся с водой, которая считалась местом, где таятся злые силы» [5, с. 117]. «Синий цвет у многих народов символизирует небо и вечность. Он также может символизировать доброту, верность, постоянство, расположение» [9].

«Они почти встречались ветвями над Митиной головой, ясное *синее* небо глядело через сетку заиндевелых ветвей и сучьев» [14, с. 416].

«Бывают же такие *синие*, такие светлые глаза у детей!» [14, с. 131].

Голубой. «Цвет надежды, мечтаний, грез, светлый цвет, с положительной коннотацией. Происхождение не совсем ясно. По одним данным – от *голубь* (по синему отливу шейных перьев обыкновенного голубя), по другим, наоборот, цвет был вначале, а название птицы – производное от него. Слово появилось очень поздно, и еще в XIV-XV вв. называло лишь масть лошадей. По непонятным причинам впоследствии стало очень употребительным, закрепило за собой вполне определенный участок спектра и вошло в состав основных слов-цветообозначений» [5, с. 117].

«Первое, что бросилось в глаза, – *голубизна*. *Голубые*, обитые бархатом стены, *голубая* бархатная мебель, голубые сумерки за огромным, во всю

противоположную стену, окном, прошитые золотыми нитками предвечерних московских улиц» [14, с. 290].

«Правда, в лице его сквозило что-то очень простодушное, улыбчивое, детское почти, Иванушкино, но сквозило оно из-под такой помятости, огрубелости, трехдневной соломенной щетины, что, может быть, даже оно и не сквозило, а просто почудилось. Но нет, в *голубых* глазах на этом обветренном лице действительно было что-то открытое и доверчивое» [12, с. 179].

«Вернее, мы мечтали, как в первый раз он поведет меня навстречу прибою, как в первый раз окунет в соленую морскую воду, какие мы будем коричневые, как будем собирать красивые морские камушки. «Главная задача, – таинственно говорил папа, – найти *голубой*. Я подозреваю, что *голубых* не бывает, но ведь тем интереснее». Даже коробку для камешков мы припасли заранее» [14, с. 379].

Рыжий. «С XV в. основным словом для обозначения оранжевых оттенков было двусоставное прилагательное *рудожелтый*, обозначающее буквально смешанный красно-желтый цвет. Известен общеиндоевропейский корень *rudh-* (*reudh-*, *roudh-*) «красный» (санскр. *rudhirds*, или *rohitas*, праслав. *гьсЦа и т.д.). Ст.-слав. *Ръжда* и праслав. *rbda (*гыЦауь) впоследствии воплотились в форме *руда*. По некоторым свидетельствам основное значение праформы было 'кровь', но в дальнейшем она обрела значение конкретного цвета – одновременно «красного» и «рыжего, огненно-рыжего». В русском языке осталось немало следов древнего корня. Часть из них еще сохраняет значение красного: *румяный*, *рдяньи* (ср. глагол *зардеться*), но другие слова – по аналогии с другими языками – стали употребляться только применительно к цвету волос и масти животных: устаревшее ныне *рёдрый* «рыжий, красно-желтый» (о рогатом скоте), также все современные слова этого корня *рыжий*, *ржавый* и *русый*» [5].

«Дмитрию Золушкину доходил двадцать первый год. Был он некрасив: лицо круглое, густо, до медной красноты осыпано веснушками, волосы *рыжие*, уши приоттопырены» [14, с. 257].

«Так что, когда дверь открылась и возник на пороге рыжий детина, все, как один, повернули головы и внимательно смотрели, как он идет по ковру и как растерялся — куда же пристроится?» [Солоухин, 1990:290].

«Андрей Михайлович, высокий (около двух метров), худой, горбоносый старик, с *рыжими*, свисающими усами, знает столярное ремесло» [15].

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что при чтении художественных произведений Владимира Солоухина возникает впечатление насыщенной цветовой гаммы. Подобный цветовой эффект достигается прежде всего за счет использования цветообозначений (прилагательных, существительных, глаголов, причастий, наречий, образованных различными способами), которые указывают не только на мрачный или яркий колорит, но и дают определенное направление мысли и вместе с тем огромный простор для фантазии. Тщательно обдуманный отбор цветовых определений, в основе которых лежит авторское ассоциативное восприятие, позволяет говорить о

своеобразной психологии цвета в произведениях В. А. Солоухина – мастера художественного слова.

Используемая литература

1. Астахова А. А. Цветобозначения в русской языковой картине мира // автореферат канд. дисс. – М., 2014. – 234с.
2. Бахилина Н. Б. История цветобозначений в русском языке. – М., 1975.
3. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветобозначения в языке. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/122/005.pdf>.
4. Брагина А. А. Лексика языка и культуры страны. – М., 1997.
5. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и название цвета в русском языке. – М., 2005. – 216с.
6. Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т.3. – М., 1987.
7. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, 1999.
8. Жуковская Е. П. Дидактические аспекты организации факультативов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/594252/>.
9. Запорожец М. Н. Семантическая структура имен прилагательных с исходным значением «состоящий, сделанный из какого – либо металла» в современном русском языке // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1996. – 256 с.
10. Солоухин В. А. Белая трава. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=53663>.
11. Солоухин В. А. Мать-мачеха. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/a/20384>.
12. Солоухин В. А. Белая трава – М., 1990. – 208с.
13. Солоухин В. А. Варшавские этюды. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/a/20384>.
14. Солоухин В. А. Возвращение к началу: лирическая повесть и роман – М., 1990. – 478 с.
15. Солоухин В. А. Капля росы. [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/solouhin_vladimir/kaplya_rosi.html.
16. Солоухин В. А. Мед на хлебе – М., 1981. – 208с.